

Глава 22. Обет и покой

Завывающий ветер нёс сухой запах пыли. Он покалывал лицо, но помогал прийти в себя. Кто-то когда-то говорил, что боль — это тоже память, доказательство того, что ты жив. Но сейчас, вспоминая те слова, Шангуань Цицзе понимал: это совсем не вязалось с тем мягким, утончённым человеком.

Шангуань Цицзе очнулся уже давно. Он чувствовал, как его тело покачивается на ухабах в такт движению машины. Слегка приоткрыв веки, он лежал неподвижно, глядя на мир сквозь узкую щёлочку. Перед глазами тянулась бесконечная полоса однообразных красок и серого пейзажа. Хотелось, чтобы это мгновение длилось вечно.

«Если бы всё осталось так навсегда, было бы неплохо...»

Он точно знал, кто сидит за рулём, и именно поэтому не хотел открывать рот. Не глупо ли с его стороны так малодушничать?

Его выбросили, точно ненужную вещь, а он всё ещё надеялся отыскать хоть каплю тепла в воздухе, которым они дышали вместе. Совсем чуть-чуть. Хотя бы самую малость...

Невольно по щеке покатилась слеза.

— Почему молчишь? — наконец нарушил тишину Ситу Кун.

Его поразительная пронизательность давно подсказала, что пассажир пришёл в себя, но заговорил он только сейчас. Почему? Хотел ли он дать измученному телом и душой Цицзе передышку, или ему просто было всё равно? Будь это забота, перед ним сидел бы кто-то другой, а не Ситу Кун.

— Эй... — хрипло отозвался Цицзе.

В его голосе сквозили враждебность и затаённая обида.

Когда усталость переходит все границы, на душе вопреки всему воцаряется странное спокойствие. Не хочется даже шевелиться — лишь мысли уносятся куда-то далеко, растворяясь в тумане. Он оцепенел, но боли от сухости не чувствовал, потому что все раны на его теле слились в одно сплошное, непрерывное страдание.

Он чувствовал лишь одно — смертельную усталость.

Апатия поглотила его без остатка. В такие минуты безумно хочется просто исчезнуть, сбежать из этого грязного мира.

— Ситу.

— Что ты хотел сказать? — отозвался Ситу Кун.

Его голос звучал непривычно мягко, почти невесомо, точно прикосновение пера.

«Если бы он всегда говорил со мной так, всё могло быть иначе...»

Слегка повернув голову, Цицзе посмотрел на водителя. Ситу Кун вёл машину одной рукой. Казалось, у этого человека вообще отсутствовал болевой порог — оторванная конечность ничуть не заботила его, а на лице блуждало выражение ленивого покоя.

«Он вообще человек?» — промелькнула в голове нелепая мысль.

— Вы... столкнулись с тем типом? — после долгого колебания спросил Цицзе.

Стоило ему вспомнить зловещий силуэт в чёрном одеянии, как по спине пробежал мороз. Тень этого чудовища, казалось, будет преследовать его до конца дней. О нём не хотелось даже думать, но промолчать Цицзе не мог.

Холодная сталь клинка, зловеще блеснувшая во тьме, и леденящая душу ухмылка под чёрной маской... От этих воспоминаний виски Цицзе заломило пульсирующей болью.

У этого мясника не было причин оставлять его в живых. Так почему он всё ещё дышит?

— Крепость Бога Войны выстояла, — ответил Ситу Кун на совершенно другую тему, будто и не заметив вопроса. — Полковник Рейас прибыл с подкреплением, отбросил врага и сразу же отступил. Лейтенант Хэ и остальные пока остаются в крепости.

— Полковник Рейас? — прошептал Цицзе.

На его бледном лице отразилось недоумение, но он по-прежнему лежал неподвижно, покачиваясь на сиденье, словно безжизненная кукла.

— Подполковник Лань Хуае погиб, — безжалостно, не давая времени осмыслить услышанное, добавил Ситу Кун.

Лань Хуае... мёртв?!

— А как же... Старшая сестра? — Цицзе сразу подумал о Хо Бижо, которая отправилась на задание вместе с Лань Хуае.

Ситу Кун многозначительно усмехнулся:

— Готов спорить, этот парень расстался с жизнью ради женщины.

— Что? — Цицзе нахмурился, не понимая, к чему он клонит.

— Уж мне-то, как эксперту в таких делах, всё ясно с первого взгляда, — сощуриив глаза, самодовольно протянул Ситу Кун. — Лань Хуае только притворялся циником, а на деле оказался неисправимым романтиком. Твоя Старшая сестра — чертовски привлекательная женщина. Вот только в делах сердечных она тугодумка.

Цицзе вспомнил, что Ситу Кун и Старшая сестра действительно когда-то учились вместе.

«Эксперт в делах сердечных? Надо же с такой гордостью заявлять о собственной распущенности! Вы с Джессен действительно из одного теста слеплены».

— Значит, Старшая сестра и ты...

— Разве она не рассказывала? — Ситу Кун самодовольно и порочно улыбнулся. — Когда-то мы были любовниками.

— Что?! — от неожиданности Цицзе рванулся вверх, напрочь забыв про слабость, и с размаху приложился головой о крышу кабины.

— Ай! — вскрикнул он, неловко рухнув обратно на сиденье.

Столь нелепая сцена заставила Ситу Куна рассмеяться.

— Не думал, что пилот сложнейшей биомеханической брони АРЕ в жизни может быть таким неуклюжим.

— У-ух... — простонал Цицзе.

Тело ныло так, что он даже не знал, за какое место хвататься. В конце концов он махнул на всё рукой и расплылся по сиденью бесформенной лужей.

— Вы со Старшей сестрой... Да ты просто бабник бесстыжий!

— Попрошу без оскорблений, это она меня бросила, — с усмешкой парировал Ситу Кун. — Хотя... ладно, первым налево пошёл я.

Изменил...

Цицзе замолчал. В памяти всплыло чужое, неведомое имя, которым Ситу Кун бредил в беспамятстве. Кто этот человек? И та татуировка...

Глядя на унылые, однообразные пустоши за окном, он почувствовал, как к горлу подступает горькая тоска. Даже дождь порой кажется тёплым. Почему же ветер здесь всегда такой ледяной?

Хватит. Он больше не хочет иметь ничего общего с этим человеком.

— Не будь таким неразборчивым, подонок, — ядовито бросил Цицзе. — Смотри, как бы однажды чувства не сыграли с тобой злую шутку.

— Хм... — тихо отозвался Ситу Кун.

В его голосе внезапно проскользнула затаённая грусть. Он произнёс слова, которые показались Цицзе дикими:

— Не переживай. Я поклялся, что никогда в жизни больше никого не люблю.

Зачем давать столь жуткую клятву? Неужели за этим пренебрежительным взглядом скрывалась глубокая личная драма?

Бред какой-то.

— А как же твоя невеста, Инь Юань? — Цицзе продолжал отрешённо созерцать бескрайние безжизненные земли. — Ты её тоже не любишь?

— Это политический брак, — Ситу Кун холодно, издевательски усмехнулся. — Откуда там взяться любви?

Цицзе тихо вздохнул, и его зелёные глаза слегка потускнели.

«Вот как... Ты её не любишь, но при этом так нежен с ней...»

В его душе всколыхнулась уколом горькая ревность.

— Тот, с кем ты делишь жизнь, далеко не всегда тот, кого ты любишь больше всего на свете, — негромко произнёс Ситу Кун, устремив задумчивый взор на горизонт. — И вовсе не обязательно связывать судьбу с тем, кто тебе дорог.

Цицзе промолчал.

Вокруг воцарилась тишина. Кажется, даже порывы ветра снаружи стали немного мягче. Шангуань Цицзе слушал попутчика с нарастающим изумлением. Трудно было поверить, что этот циничный эгоист способен на столь глубокие, полные тихой скорби рассуждения.

— Шангуань Цицзе.

Почувствовав, как сгустилась атмосфера в салоне, Цицзе с трудом повернул голову. Посмотрев на Ситу Куна, он обомлел: ледяные глаза мужчины были непривычно сосредоточенными. Он никогда прежде не видел у Ситу Куна такого выражения лица.

— Я скажу это лишь раз, — веско, чеканя каждое слово, произнёс Ситу Кун. — Если хочешь жить, держись как можно дальше от того, что представляет для тебя наибольшую угрозу.

Цицзе опешил, а затем хрипло, как-то безумно расхохотался:

— Ха-ха... Ну надо же... Да ведь эта самая угроза — ты сам! Находиться рядом с тобой — всё равно что сидеть на бочке с порохом...

Ситу Кун на мгновение замер. В следующий миг раздался оглушительный визг тормозов. Он резко выжал педаль в пол. Внедорожник, проехав по инерции несколько метров, замер как вкопанный, а Цицзе от резкого толчка швырло вперёд.

«Я знаю, как это опасно... Но я не уйду».

Машина замерла посреди безжизненной степи.

Цицзе, болезненно приложившийся лбом о приборную панель, зажал ушибленное место рукой. В голове немилосердно гудело, перед глазамиплыли цветные круги. В этот момент над ухом прозвучал ледяной приказ:

— Вон из машины.

Держась за голову, Цицзе через силу заставил себя поднять взгляд. Лицо Ситу Куна превратилось в суровую маску. Он в упор смотрел на раненого юношу:

— Убирайся отсюда. Живо!

— Но я... — Цицзе растерялся.

В таком состоянии он едва мог пошевелить пальцем, не то что выйти из машины. У него банально не хватало сил даже на то, чтобы толкнуть дверцу.

Вместо ответа Ситу Кун вытащил из бардачка запасной пистолет, приставил дуло к виску Цицзе и свободной рукой рванул пассажирскую дверь настежь:

— Выметайся, я сказал!

Цицзе ошеломлённо уставился на него.

«Неужели ты не видишь, что я и шагу ступить не могу? Как ты можешь так поступать?..»

— Я не могу двигаться...

— Пошёл вон! — яростно рявкнул Ситу Кун, и в его голосе смешались злость и ледяное презрение.

Цицзе безучастно смотрел на внезапно взбесившегося спутника. Удивительно, но страха не было — на душе воцарился полный покой.

«Даже если тебе придётся собирать последние крохи сил, ползи отсюда на карачках!» — вот что безмолвно кричал взгляд Ситу Куна. У этого ублюдка действительно вместо крови течёт ледяная вода. И всё же Цицзе поймал себя на мысли, что беспрекословно готов подчиниться этому безумному требованию.

Щёки обдало жаром, очертания салона поплыли и начали двоиться. Похоже, у него начиналась лихорадка.

Навалившись плечом на дверцу, Цицзе вывалился наружу и неуклюже рухнул на колени в дорожную пыль. Кое-как уперевшись руками в сухую землю, он попытался удержать равновесие, упрямо отказываясь распластаться перед Ситу Куном безжизненной кучей.

Он снизу вверх посмотрел на Ситу Куна. В груди клокотала глухая обида, но взгляд оставался равнодушным. Цицзе с горечью осознал, что уже свыкся со взбалмошным характером этого человека, научившись отвечать на его вспышки глухим молчанием.

Скользнув взглядом по чёрному стволу пистолета, Цицзе поднял глаза на разгневанное лицо Ситу Куна и горько усмехнулся:

— Слушай... Что я такого сказал, раз ты так взбесился? Бросаешь меня посреди этой глуши... Хочешь, чтобы я сдох здесь?

«Я уже давно готов к смерти. Чего мне теперь бояться?»

Ситу Кун нахмурился, резко опустил оружие и захлопнул дверцу.

Внедорожник рванул с места и на бешеной скорости скрылся за горизонтом, оставив позади лишь клубы жёлтой пыли. Он умчался вглубь пустынной равнины и больше не обещал вернуться.

— Эй! Эй, вернись, ублюдок!.. — прохрипел Цицзе вслед уходящей машине.

Он нащупал на земле мелкий камешек и в ярости швырнул его вперёд. Тот пролетел едва ли пару метров и бессильно упал в траву. Сил совсем не осталось.

Шангуань Цицзе несколько раз позвал его, но голос быстро сорвался на шёпот. Юноша тихо, обречённо рассмеялся. Его снова предали. Снова оставили один на один со смертью на этой богом забытой дороге.

Он никогда не понимал, в чём провинился перед этим человеком, и никогда не получал ответов на свои вопросы. Итог всегда оставался неизменным: его выбрасывали, как ненужный хлам.

«Неужели я настолько глуп, что позволил случиться этому дважды? Какого чёрта?!»

— Будь ты проклят... — проскрежетал он сквозь зубы.

Одиночество посреди глухой равнины давило тяжёлой могильной плитой. Бороться не хотелось. Смысл барахтаться пропал.

В конце концов Цицзе тяжело, протяжно вздохнул. Ладно. Будь что будет. Он сдаётся.

И всё же древний животный инстинкт самосохранения, упрямое нежелание умирать заставили его двигаться. Он медленно, преодолевая адскую боль, пополз вперёд, волоча колени по грязной колее. Горизонт казался недостижимым. Перед глазами вилась лишь бесконечная, разбитая грунтовка — та самая, по которой унёсся Ситу Кун.

Шангуань Цицзе упрямо цеплялся взглядом за дорогу. Он падал, катился по пыльной траве, кое-как поднимался на четвереньки и упорно полз дальше. У него не было чёткой цели — им двигало лишь упрямое желание двигаться вопреки всему. Ему не привыкать ходить по краю бездны. Для солдата выживание в нечеловеческих условиях — суровое ремесло. Преодолевать слабость, ползти сквозь невыносимую боль, выполнять долг — в этом и заключалась суть его жизни. Он солдат, а значит, обязан выкарабкаться.

Но сколько бы он ни уверял себя в солдатской стойкости, на сердце было невыносимо тяжело. Когда силы почти иссякли, Цицзе поднял глаза на горизонт и замер. Вдали, в зыбком мареве, медленно росла крошечная тёмная точка.

В глубине души робко шевельнулась безумная, отчаянная надежда.

«Неужели вернулся?..»

Эта мысль подействовала как мощный укол адреналина. Цицзе из последних сил распрямил спину и, стоя на коленях, вытянул шею, жадно вглядываясь в приближающийся силуэт. Да, это действительно была машина.

С каждым метром очертания внедорожника становились всё отчётливее. Цицзе чувствовал, как к нему возвращается жизненная сила. Боль отступила на второй план, раны затянулись невидимой коркой онемения.

«Ситу...»

— Цицзе! — донёсся до него громкий, встревоженный крик.

Машина резко затормозила у самой обочины. Из кабины выскочил человек и сломя голову бросился к нему. Он упал перед Цицзе на колени и судорожно вцепился в его плечи, заглядывая в осунувшееся лицо.

— Слава богу... Живой... Слава богу!.. — бормотал он, задыхаясь от переполнявших его эмоций.

Парень лихорадочно ощупывал его плечи, вглядываясь в Цицзе глазами, полными дикого страха и безграничного облегчения. В следующий миг он сгрёб юношу в охапку и прижал к себе так крепко, словно больше никогда не собирался отпускать.

— Как же ты меня напугал...

Цицзе оцепенел, его глаза округлились. На секунду ему показалось, что он бредит:

— Цзюнь... вэнь?..

Цзюньвэнь Исюань поспешно отстранился и принялся торопливо осматривать его раны. Секундное облегчение тут же сменилось глухой яростью:

— Идиот! Что ты натворил?! Хо Бижо уверяла меня, что ты просто поехал посмотреть на турнир по единоборствам! Откуда... откуда на тебе живого места нет?! — Голос Цзюньвэня,

обычно спокойный, сорвался на хрип. Он растерянно переводил взгляд с одного глубокого пореза на другой, а в его глазах стояли слёзы боли и бессилия. — Несчастье ты моё... Ну почему ты никогда не бережёшь себя? Обязательно нужно довести себя до полусмерти?! Ты хоть представляешь, что я...

Он осёкся на полуслове, так и не решившись выдать тайну, которую хранил глубоко в сердце.

— Ох... — Цицзе тихо, измученно вздохнул.

Злости на Ситу Куна уже не было — осталась лишь выматывающая душу тоска.

— Ты ведь служишь в тыловом обеспечении... Это Старшая сестра тебя прислала?

— Нет, приказ отдал полковник Рейас, — хмуро пояснил Исюань. — Твоя биомеханическая броня АРЕ полностью уничтожена, поэтому полковник велел мне... Говорят, подполковник Лань Хуае погиб...

— Да... — едва заметно кивнул Цицзе. — Никто не ожидал такого исхода.

— Ладно, сейчас не время для разговоров. Нужно срочно доставить тебя на базу!

Цзюньвэнь Исюань бережно зашёл сбоку и аккуратно обнял раненого за спину. Поколебавшись секунду, он виновато нахмурился:

— Если будет больно, сразу говори. Не вздумай терпеть. Я даже представить боюсь, сколько на тебе открытых ран.

Цицзе с трудом приподнял руку и слабо обвил ею шею друга:

— Пустяки. Мне не привыкать. Бывало и похуже.

«Не привыкать?..» — Исюань стиснул зубы. У него защемило сердце от этих горьких слов.

Он осторожно приподнял юношу на руки, позволяя его голове бессильно опуститься на своё плечо, и бережно понёс к машине. Укладывая раненого на сиденье, Исюань испуганно отдёргнул руку:

— Да ты весь горишь! У тебя сильный жар.

— Наверное... — пробормотал Цицзе.

Почувствовав себя в безопасности, он окончательно растерял последние крохи самообладания. Сознание медленно заволакивала сонная дымка.

— Страшно подумать, что случилось бы, не найди я тебя...

— А у тебя... неплохой нюх на людей, — попытался отшутиться Цицзе.

— Дурак... — Исюань грустно улыбнулся.

Он слегка прижал ладонь к затылку юноши, лаская пальцами мягкие тёмные пряди, и глухо застонал от подступившей к горлу ярости. Исюань бережно прикрывал проём дверцы собственным телом, следя, чтобы Цицзе случайно не ударился головой о раму кабины.

— Сможешь прилечь?

— Да.

Помогая другу устроиться на заднем сиденье, Исюань опёрся руками о спинку и облегчённо вытер холодный пот со лба:

— Нам нужно добраться до крейсера полковника Рейаса. Это примерно полчаса езды. Оттуда тебя сразу заберёт медицинский флайер и доставит на базу. На борту есть всё необходимое оборудование. Ты очень плох... — Он крепко сжал кулаки. — Пожалуйста, если станет совсем худо, сразу говори мне. Не молчи.

Цицзе лежал с закрытыми глазами, не в силах вымолвить ни слова.

— Только не засыпай. Я взял с собой воду, будешь?

— Буду... Давай скорее, во рту всё пересохло.

— Держи, — Исюань с нежностью и скрытой болью посмотрел на черноволосого юношу.

Он достал термос, открутил крышку и сделал глоток, проверяя температуру. Вода была приятной, чуть тёплой.

Взглянув на покрытые страшными ссадинами и запёкшейся кровью руки Цицзе, Исюань аккуратно приподнял его за плечи и поднёс горлышко к его губам. Он заворожённо смотрел на бледное, но по-прежнему красивое лицо друга, и его взгляд лучился бережной нежностью.

Цицзе жадно, большими глотками осушил термос почти до самого дна:

— Фу-ух... Кажется, я снова ожил...

Исюань невольно улыбнулся:

— Ну ты и водохлёб. Хоть бы глоток оставил.

— Сам дурак, — слабо огрызнулся Цицзе, пытаясь шутить. — Я вообще-то тяжелораненый. Мне положено.

Исюань тяжело вздохнул:

— Да ты у меня вечный раненый... Бестолочь.

Бережно уложив друга обратно, он пересел на водительское место и завёл двигатель. Он старался ехать как можно осторожнее, объезжая каждую яму, чтобы лишний раз не тревожить израненное тело друга.

Однако раненый его заботы не оценил:

— Эй, почему мы еле плетёмся? С твоей черепашьей скоростью мы только к утру доберёмся!

Исюань лишь покачал головой, не зная, смеяться ему или плакать:

— Извини уж, колымага старая, быстрее ехать отказывается.

— И зачем только было брать этот хлам... — недовольно пробурчал Цицзе.

Это была случайная, брошенная вскользь фраза, но Исюань воспринял её всерьёз:

— Я слишком торопился. Выехал со двора, даже не заглянув под капот.

— Надо же, наш главный гений инженерии совершил столь глупую ошибку, — беззлобно поддел его Цицзе. — Скажи спасибо, что у неё по дороге сцепление не полетело.

— Вообще-то оно летело... — признался Исюань, заставив Цицзе похолодеть от ужаса, но тут же поспешил успокоить его: — Пришлось чинить прямо на коленке. На старуху бывает проруха.

Он крепче сжал руль, пряча от друга горькую улыбку. Одному богу известно, в какую панику он впал, когда посреди пустыни у него отказала коробка передач. Ему тогда хотелось разнести

эту развалину в щепки!

— Какой-то ты сегодня дёрганный... Совсем на себя не похож.

«Ещё бы...» — подумал Исюань. Разве мог он оставаться спокойным, когда узнал, что во время штурма крепости Цицзе перестал выходить на связь? Он бросил на раненого короткий, полный нежности взгляд, но ничего не ответил.

— Цзюньвэнь.

— М-м?

Цицзе тихо позвал его по имени и надолго замолчал.

— Полковник Рейас ведь прислал тебя, чтобы доставить новый комплект брони АРЕ?

Исюань промолчал. Цицзе уставился в потолок кабины и тяжело, протяжно вздохнул:

— В техническом отделе без тебя действительно как без рук.

— Наверное, — выдавил Исюань.

Он сжал кожаную оплётку руля до хруста в пальцах, загоняя поглубже рвущиеся наружу признания.

«Глупый... Почему ты никогда не скажешь, что это тебе без меня никак?»

Посреди бескрайней, выжженной солнцем равнины, увязнув в жухлой траве, стоял одинокий внедорожник. Молодой мужчина сидел в салоне, бессильно откинув голову на стекло приоткрытой дверцы. В его губах тлела сигарета, длинный столбик пепла с каждым толчком ветра осыпался на серую обивку.

На стекле дрожало отражение холодных глаз — в их глубине, точно в тёмном омуте, клубился хаос невесёлых мыслей. Он сделал глубокую, жадную затяжку и тут же прикурил новую сигарету от старого бычка, словно заправский курильщик, не способный совладать с никотиновым голодом.

Никто и никогда не видел Ситу Куна таким — мрачным, лишённым привычного лоска и жизненной силы. Выкурив подряд не меньше пяти сигарет, он откинулся на спинку сиденья,

затерявшись в клубках густого сизого дыма. Напряжение, сковавшее его тело, наконец немного спало. Он лениво поднял руку и запустил пальцы в волосы на затылке.

«Ты ведь обещал, что отдашь за меня жизнь?»

Этот голос... Он пугал и манил одновременно.

«Помни: такая возможность даётся лишь раз. Это твоя плата».

Второго такого голоса не было во всём мире.

«Я буду ждать тебя в Тюрьме Небесного Отчаяния. Когда пожалеешь о своём выборе — приходи».

«Ситу Кун, твоё имя несёт в себе особый смысл».

Ситу Кун поправил зеркало заднего вида. На него взглянули усталые, подёрнутые ледяной дымкой глаза. Потушив окурок о приборную панель, он выбросил его наружу, нажал на газ и рванул вперёд, навстречу ревущему степному ветру.

<http://bllate.org/book/18305/1761559>